

• СОДЕРЖАНИЕ •

Татьяна Устинова
ГДЕ-ТО НА КРАЮ СВЕТА
7

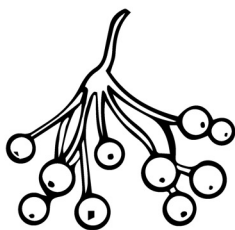
Татьяна Полякова
СУДЬБА-ВОЛШЕБНИЦА
219

Галина Романова
СЧАСТЬЕ С ТРЕТЬЕЙ ПОПЫТКИ
429

Татьяна УСТИНОВА

**Где-то
на краю света**

П ересадка была в Якутске. Мимо по проходу лезли люди, повеселевшие, взбодрившиеся и разом заговорившие громко, как только самолет коснулся бетона. Еще бы! Бог миловал, все вроде благополучно, хочется на твердую землю — скорей, скорей!.. Только Лиля все сидела, никак не решалась подняться и вклиниться в толпу, распиравшую узкий проход.

— Девушка! Ну сколько ждать-то вас?! — Соседка напирала на нее, волокла из-под ног здоровенный баул, дергала, а он все никак не вытаскивался. — Вы чего?! Не выходите?!

— Не нервничайте, — посоветовал ей парень, сидевший у окна. — Все равно не пролезете.

Соседка фыркнула, покрутила головой, словно поражаясь, что есть такие ни на что не годные люди — можно вставать, толкаться, протискиваться, а они не встают и не протискиваются!

Толпа не двигалась с места, двери все никак не открывали, дети хныкали и канючили, женщины шикали на них, обмахивались журналами, мужики переминались с ноги на ногу, переговаривались, похохатывали. По всему самолету полки были распахнуты, из них торчали сумки, лямки, рукава, как не до конца выпотрошенные внутренности.

— Когда нас выпустите, а?!

— Когда надо будет, тогда и выпустим! И вообще, займите свои места! К выходу мы вас пригласим.

Но где там «занимать места»! После пятичасового перелета всем хотелось скорей на волю — постоять, покурить, подышать. Все в порядке. Мы живы, целы, до Якутска добрались, и дальше с Божьей помощью как-нибудь доберемся.

Трап наконец-то подали, открыли двери, толпа заволновалась, зашевелилась, налегла, а потом потихоньку двинулась.

— Да пропустите вы меня! — Соседка полезла через Лилины колени и баул свой поволокла. — Сидит и сидит, выходить давно пора, а она!..

— Ну вот, сыночек, — говорил за спиной ясный женский голос. — Мы почти дома. Еще три часа, и все в порядке! Представляешь, как хорошо? Папа нас будет встречать! Ты за папой соскучился?

— Мам, а три часа — это сколько?

— Три часа, сыночек, это три часа. Раз, два, три. Ты поспишь, проснешься, и уже будет Анадырь...

— Не хочу спать, я выспался!

— Значит, книжку читаем!

— И книжку не хочу! Я буду на телефоне играть!

Пропустив последних пассажиров, Лиля с трудом вылезла из кресла и постояла немного, приходя в себя.

Да уж. Еще три часа, и Анадырь. Что же мне делать?! Как спастись?

Парень, защищавший ее от нетерпеливой соседки, ждал, и Лиля посторонилась.

Он выбрался из узкой щели, в которую все эти долгие пять часов никак не помещались руки, ноги и спина, где невозможно было пристроить газету или ноутбук, некуда девать бутылку с водой, книжку и самое себя, вытащил за собой портфель и только тут, в проходе, засмеялся.

— Устали? — Он потянулся, закинув руки за голову и высоко задирая локти. Голубая рубашка была измята, изжевана, пуговичка растянулась на животе, и он, стыдливо отвернувшись, быстро ее застегнул.

— Я не люблю летать, — пробормотала Лиля.

— Ну! Это ваше? — Парень достал с полки пальто, за которым потянулись еще какие-то вещи. — Так, как мы сейчас летели, никто не любит! Это просто вивисекция какая-то. Пойдемте?..

Ничего не поделаешь. Ты взрослая, умная, решительная, и ты сейчас выйдешь из самолета. Ничего страшного не происходит. У тебя командировка. Не очень простая и не слишком приятная, но всего лишь командировка. Ты справишься. Никаких истерик.

— Я никогда не была в Якутске, — в спину парню выговорила она, и он слегка оглянулся. На ходу он напяливал куртку, не попадая в рукава, и его портфель цеплялся за кресла, в которых валялись смятые газеты, пластмассовые стаканы, бутылки из-под

— Ничего особенного, город как город. Я тоже здесь бывал только проездом... несколько раз.

— А вы... знаете, куда идти?

— Тут одна дорога! В здание аэропорта.

— А там? Знаете?

Он наконец-то оглянулся по-настоящему. Девушка бледная и идет по проходу с таким видом, как будто в конце его уже весело полыхает костер, на котором ей предстоит сгореть заживо. Истеричка, что ли? Или просто не в себе? Хотя симпатичная — он посмотрел на ее грудь, — и сразу видно, что не дешевка и не из простых. Хорошо бы до Анадыря летела, вот и развлечение на время!..

— Что ж вы так долго, граждане пассажиры, — укоризненно сказала замученная стюардесса в накинутой на плечи форменной шинели. Под шинелью она держала себя за локти, как будто мерзла. — Нам еще тут убираться, а вы тянетесь и тянетесь!

Чем дальше от Москвы, вдруг подумала Лиля, тем быстрее и вернее «дамы и господа» превращаются в «граждан пассажиров». Здесь, в Якутске, мы уже никакие не дамы и не господа. Дальше-то что будет?

— На трапе поосторожней! — вслед им крикнула стюардесса. — Дождь прошел, скользко!..

Трап упирался в бетон, казавшийся синим от света прожекторов, и на этом бетоне нет никого и ничего: ни людей, ни автобусов.

— Нам туда! — Парень накинул капюшон и показал рукой, куда именно. — Пойдемте быстрее, а то вымокнем!

— А что, автобусов не будет?

Он опять засмеялся:

— Автобусы будут в Домодедове, когда вернемся! А здесь ножками, ножками! Сейчас в самый раз пройти, пять часов сидели!

Лиля поспешала за ним, уверенная, что, если потеряет его из виду, все пропало. Чего бы она только не дала, чтобы оказаться сейчас в Домодедове!

Он придержал перед ней дверь. В зале аэропорта было душно, где-то, как будто наверху, шумели голоса, двигались многочисленные ноги, и громохание раздавалось, и гул вполне цивилизованный.

— На втором этаже зал ожидания для транзитных пассажиров, — объяснил парень. — Может, кофе удастся выпить.

И он поскакал по лестнице, уверенно и деловито. Лиля поднималась тяжело. За пять часов сидения в самолете она как будто разучилась двигаться и дышать. Ноги шли медленно и неохотно,

и воздух застревал где-то посередине между легкими и горлом, так что хотелось протолкнуть его поглубже.

На втором этаже было столпотворение. Ряды пластмассовых синих стульев все заняты сумками и людьми. Некоторые спали, с головой накрывшись куртками. Какой-то дядька пристроился прямо на полу, примостив под себя рюкзак, жилистая желтая рука со свесившейся грязной кистью торчала вверх и мерно двигалась в такт дыханию. Лиля осторожно обошла его, потом оглянулась. Дети бегали между наваленными на полу тюками, кричали, визжали, тоже никак не могли прийти в себя после перелета. В двери с нарисованными мальчиком и девочкой стояла безнадежная очередь. У окна жались какие-то растерянные иностранцы в красных и желтых куртках. Ни у кого больше не было таких курток, ботинок и рюкзаков, ясное дело, туристы.

— Ну что? Попробуем взять штурмом буфет?

Лиля посмотрела на своего провожатого.

— Здесь все равно сидеть негде. — Он махнул рукой. — Может, там повезет?

Им действительно повезло. За перегородкой из голубого пластика с надписью «Буфет. Режим работы круглосуточный. Санитарный час с 08.00—9.00, 11.00—12.00, 14.00—16.00, 19.00—20.00, 22.00—23.00, 00.00—03.00, 05.00—06.00» стояли длинные столы и лавки, помещались игровой автомат с криво привешенной табличкой «Учет», холодильник с жестяными пивными банками — банки переливались разными красками и горели под ярким светом, — стойка и очередь, немного менее безнадежная, чем в двери с изображением мальчика и девочки. За стойкой трудились буфетчицы: маленькая девчушка с проколотым носом и железными кольцами на каждом пальце и степенная толстуха с закрученной на макушке косой. Они проворно наливали кипяток в пластмассовые стаканчики с торчащими из них хвостами чайных пакетиков, швыряли на тарелки худосочные бутерброды, ссыпали мелочь в ящик, перекрывая шум, спрашивали у каждого протиснувшегося к прилавку: «Чего давать, «Балтику» или «Охоту?»»

Парень оглянулся на Лилю:

— Вам «Балтику» или «Охоту»?

— Что?

— Вон есть два места. Займите их, а я принесу чего-нибудь.

— Спасибо.

— И портфель мой захватите!

Лиля пролезла между спинами жующих и прихлебывающих людей, осторожно неся сумку и портфель и стараясь никого не

задеть, постояла, сомневаясь, потом быстро глянула по сторонам и провела ладонью по сиденью, проверяя. Ничего таким образом не определив, она деликатно пристроилась — все равно сесть больше некуда.

— Пассажиры Вилюйск—Магадан, пройдите срочно на посадку, — вдруг выкрикнул динамик женским голосом, и Лиля от неожиданности сильно вздрогнула. — Проходим на Магадан!

Никто на Магадан не «прошел», все продолжали торопливо жевать и прихлебывать, и она поближе подтянула к себе сумку, в которой заключалась вся жизнь — кошелек, чудесный маленький компьютер с тающим молочно-белым яблочком на крышке, знак беззаботной, офисной, столичной жизни, книжка-детектив с обязательной зажигательной любовной историей, салфеточки, тряпочная куклешка от мамы, блокнотик, наушники, зеркальце, телефон...

Господи, телефон!..

Лиля распахнула сумку, стала торопливо в ней копаться, долго не могла его раскопать, но в конце концов выудила! В динамиках опять грянуло что-то, на этот раз про Мирный и Нерюнгри, но она перестала слышать, торопливо выключая «авиарежим» и нажимая еще какие-то кнопки. Долго не соединялось, и она, выпрямившись, вытянувшись в струнку, слушала только тишину внутри телефона и умоляла: ну же, ну!.. Пожалуйста, пожалуйста!..

Пожалуйста, равнодушно ответила тишина, и в ухо длинно прогудело. Раз, потом еще раз, потом еще...

Она ждала. Трубку никто не брал.

Звонок сорвался, обвалился короткими, быстрыми гудочками, словно ледяными брызгами обдало ухо, и она набрала снова.

На этот раз ответили быстро:

— Ты что, с ума сошла?! У нас ночь! Я сплю.

— Кирюша, я в Якутске! Ты слышишь?! Я приземлилась! Господи, какое счастье, что я дозвонилась! Здесь дождь, а у тебя? Как там у тебя?

— У меня все зашибись, Молчанова, — сказали с той стороны мира. — Ночь у меня. Я сплю.

— Мне до Анадыря еще три часа или даже три с половиной, я сейчас в каком-то буфете!

— Рад за тебя.

— Кирюша, я сидела так неудачно, в самом хвосте, за мной только один ряд, а потом туалет, и все время люди стояли, а я у самого прохода, даже поспать не могла, меня все время толкали! А еще здесь дождь и очень много народу...

— Молчанова, ты знаешь, сколько сейчас времени в Москве?

Тут Лиля вдруг поняла, что он ее о чем-то спрашивает, и совершенно всерьез. И еще он всерьез недоволен.

Она не переводила часы и могла точно ответить на его вопрос, но дело было не в этом.

— Ты голову-то включай, — посоветовал ей из Москвы любимый человек. — Особенно когда будешь из Анадыря звонить! Мне утром на работу, а тут ты в буфете! Все, давай, пока. Целую.

И опять обвалились гудочки, закололи ухо.

Лилия посмотрела на телефон. На экране возникла его фотография — этим летом на каком-то пикнике. Очень хорошая фотография.

...А что такого? Все правильно! Ночь, он спит, ему завтра на работу. Я его разбудила, он недоволен. На его месте никто бы не обрадовался!..

Слеза капнула на экран, Лилия быстро смахнула ее и полезла в сумку за салфетками.

...Нельзя, нельзя! Не из-за чего плакать, все хорошо! Ты летишь в командировку, и у тебя все нормально. Он спит в Москве, и у него тоже все нормально. Слеза опять капнула.

— Ну, что вы как на похоронах, а?

Перед ней на столе оказался стаканчик с мокрым чайным хвостом и тарелка с завернутыми в пленку бутербродами. Бутерброды навалены кое-как, сбоку пристроены сахар и пластмассовые белые ложки.

— Я еще кофе взял на всякий случай. Растворимый, конечно, но зато крепкий. — Парень плюхнулся рядом, моментально ободрал пленку с бутерброда и откусил. Потянул пивную банку за алюминиевое колечко. Банка смачно щелкнула, из отверстия повалила пена, как из небольшого огнетушителя, парень отхлебнул, словно опасаясь, что может пропасть хоть капля драгоценного напитка.

Лилия нажала кнопку и искоса глянула на возникшую из черноты телефонного экрана фотографию. Теплое лето, яркое солнце, зеленая трава, синяя вода. Загорелое лицо. Никаких забот. Другая жизнь. Та сторона мира.

Он со мной. Все будет хорошо.

...Она ненавидит это выражение, заимствованное из американской жизни и совершенно непригодное для русской! Что значит — хорошо? Для кого хорошо? Когда хорошо?

— Вы бы чаю попили, — сказал рядом парень, без которого
14 она, ей-богу, не справилась бы нынче. — Остынет.

Лиля двумя пальцами взяла хлипкий горячий стаканчик и пригубила. Ей не хотелось ни есть, ни пить. Она чувствовала себя уставшей, нечистой, отечной от долгого сидения и очень несчастной.

— А вы... дальше куда летите?

— В Анадырь.

— И я туда же. — Парень запрокинул голову и весело забулькал. Лиля покосилась и тут же отвернулась. Она терпеть не могла пива, даже от запаха ее тошнило. — В командировку? — Она кивнула. — И я тоже. Вы когда-нибудь там были?

Она покачала головой и еще пригубила чай.

— Значит, мы с вами в равном, так сказать, положении!.. Вместе будем осваивать целину! То есть тундру! Меня зовут Владимир. Можно Володя.

Она не собирается с ним вместе ничего осваивать! Еще не хватает! С другой стороны, какое-то сопровождение ей просто необходимо, и этот московский парень вполне подойдет. Хотя бы чемодан донести!.. У нее очень тяжелый чемодан! Впрочем, наверняка там можно взять такси, хоть и край земли, но все же город...

Он смотрел на нее вопросительно и, кажется, с обидой, даже пивом своим не булькал, и она спохватилась:

— Я Лиля. Лилия Молчанова.

Эта Лилия — худшее имя на свете! Хорошо хоть не Роза!.. Или Сирень. Сирень Молчанова — тоже красиво.

Он явно ждал продолжения, и она решила продолжить — в свете будущих услуг по переноске чемодана и защите от аборигенов:

— Я просто растерялась немного, так что спасибо вам огромное за помощь! Я никогда так далеко не летала... Только в Австралию, но... не одна.

— Понятно.

— Я думала, что будет бизнес-класс, и...

Тут Володя опять засмеялся, довольно обидно:

— На таких рейсах бизнес-класса не бывает в принципе, дорогая Лилия Молчанова! По-моему, один борт в неделю с этим самым классом летает, и билет стоит тысяч сто пятьдесят, чтоб не соврать. Ваше начальство готово выложить за ваши удобства сто пятьдесят тысяч?

...Ах, при чем здесь начальство? Мое начальство спит сейчас в московской квартире, и я уверена, если бы оно знало, как трудно мне приходится, оно ни за что и никогда не отправило бы меня в такую немислимую даль совсем, совсем одну!